

**Васильев Валерий Леонидович
(Великий Новгород)**

**НЕКОТОРЫЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ
ДОПОЛНЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ К
«РУССКОМУ ДИАЛЕКТНОМУ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ
СЛОВАРЮ» С. А. МЫЗНИКОВА
(сев.-рус. ПАВНА и ОРГА)**

Сев.-рус. павна

- Сев.-рус. *пáвна* 'топкое болото', 'болотистая местность', 'пойма реки, заливаемая в половодье', 'низкое место на лугу, затопляемое рекой', 'заболоченные сенокосные угодья в лесу' и в других подобных тельмографических значениях (СРГК 4, 364; СРНГ 25, 111) имеет довольно плотный и очерченный ареал в Архангельской обл. и отчасти в Вологодской. Термин традиционно считают заимствованным от фин. *rauni* 'лужа, яма с водой, пруд', диал. *rauni* 'большая яма, которая высыхает летом', люд. *rauiń* 'сенокосное угодье, небольшой участок в лесу, пригодный для скашивания', эст. *raun* 'яма с водой для мочения льна', *jõe-raunad* 'низменное место на берегу ручья, заливаемое водой', сюда же фин. производное *raunikko* 'прибрежное растение, *Tillaea aquatica*' и др.

Происхождение п.-фин.

ландшафтных терминов на *raip-*

- Проблема в том, что перечисленные финско-эстонские лексические факты на *raip-* не объяснимы на исконной прибалтийско-финской языковой почве и вообще не находят приемлемой этимологии (см. SKES, 507-508; SSA 2, 327; Мызн. РДЭС, 566-567). Попытка В. Кипарского объяснить фин. *raipa* как заимствование сев.-рус. *багно* 'болото' (поддержанная позднее Я. Саарикиви [Saarikivi 2006, 194]) неприемлема по фонетическим, ареальным и семантическим причинам, в ней сомневаются и сами авторы прибалтийско-фин. этимологических словарей.

- На мой взгляд, финско-эстонская терминология на *raip*- и формально и семантически абсолютно сходится с лит. *rjaipė* ‘поросшее мелким кустарником заливаемое болото, где весной и осенью стоит вода’, *rjaipỹs (riaipỹs)* ‘то же’, а также ‘безлесное пространство, поляна в лесу’, ‘неглубокий ручей, текущий через луг’, *riaipìs* ‘ложбина’ (LKŽ; Невская 1977, 68) и, следовательно, может считаться усвоенной из балтских языков.

Этимология балтского термина

- Лит. *riaunė* является элементом старого словообразовательно-этимологического гнезда, отраженного в главных балтских языках (лит., лтш., прус.), что говорит об исконности этого элемента. Выступает производным от лит. *riáuti* ‘резать; косить; убирать урожай; терзать; надоедать, докучать’, наряду с дериватами *riáutuvás* ‘серп’, *riaũnis* ‘сено, скошенная трава’ и др.; с иной ступенью чередования известны лит. *riūvis* ‘покос’, *riūklas* ‘пила’, *piovą* ‘луг, покос’. Сюда же лтш. *ŗļaut* ‘жать; косить; бить, колотить, махать, убирать урожай’, *ŗļaujā*, *ŗļāuja* ‘жатва, урожай’, *ŗļautuve* ‘серп’, *ŗļava* ‘сенокосный луг’, *ŗļāva* ‘время для сбора урожая зерновых’, прус. *piuklan* ‘серп’, и др.; их сравнивают к греч. *παίειν* ‘ударять, бить’, лат. *parire* ‘ударять, топтать, утрамбовывать’, *putāre* в значении ‘резать’ [Fr. LEW: 584; Sm. LKEŽ: 446]. Лит. *riaunė* отражено в ряде топонимов Литвы, например в названии *Riaunys* сразу шести литовских рек [LUEV: 123], а также в топонимии на территории средневековой Пруссии, например прус. *Gertepeawne*, 1406 г. [Gerullis: 40], буквально ‘куриный луг’.

- Лит. *riaunė* продолжило прабалтский ландшафтный термин с основой **rjāun-*. Первоначально этот древний термин означал, надо полагать, 'место косьбы, сенокосения' (ввиду семантики производящего глагола, сходного с лит. *piáuti* 'резать; косить'), но еще в очень раннюю эпоху у этого термина развились конкретизированные по типологии сенокосных мест ландшафтные значения, в общем такие же, как в современных говорах Литвы: 'низменный луг', 'заливной луг', 'заболоченный луг', 'ручей, текущий через луг' 'ложбина', 'лесная поляна' и т.п. Все такие значения закрепили семы, характеризующие типы объектов на местности, которые обкашивались. Надо полагать, примерно в таком же спектре значений прабалт. основа **rjāun-* была заимствована соседними прибалтофиннами в виде **raun-*

.

Где произошло заимствование термина *raup*-прибалтофиннами?

- Древнейшие контакты между финнами и балтами происходили и в самой Прибалтике, и восточнее Прибалтики – в регионе будущих Новгородско-Псковских земель. Однако в Новгородско-Псковском регионе не найдено никаких отражений фин. *raup*- ни в прибалтийско-финском топонимическом субстрате, ни в славянской топонимии и лексике. Поэтому больше оснований предполагать локус заимствования в регионе Прибалтики, особенно на территории Латвии, где балто-финские языковые контакты существовали на протяжении нескольких тысячелетий и сохраняются по сей день.

Когда термин был заимствован прибалтофиннами?

- Перед нами безусловно древнее заимствование, поскольку балтский ландшафтный термин должно был быть усвоен финским населением не позднее середины I тыс. н.э. – времени, когда еще не устоялись фонетические расхождения между литовским и латышским языками. Известно, что в более поздние периоды губные согласные в сочетании с «йотом» в латышском языке дали примерно те же результаты с /'-epentheticum, что и в позднепраславянском, т.е. прабалт. *pj, bj* > лтш. *p/, b/* при том, что в литовском такие сочетания остались без изменений (ср. лит. *piáuti* = лтш. *pļaut* 'косить'). Следовательно, если бы заимствование случилось позднее середины I тыс. н.э., то /'-epentheticum латышского языка, пограничного с ливским и эстонским, наверняка нашел бы отражение в облике усвоенного прибалтофиннами термина, чего мы как раз и не наблюдаем.

- Зато мы видим адаптацию более раннего, прабалт. **rjāun* в виде п.-фин. *raun*- с утратой «йота» при усвоении термина. Надо полагать, эта утрата объяснима тем, что сочетание согласных *rj* оказалось чуждым заимствующему прибалтийско-финскому языку.

Каков путь распространения
прабалт. **rjāun-* в п.-фин. языках?

- Термин был усвоен с основой **raun-* диалектом западных прибалтофиннов (древнеэстонским?), далее из Эстонии попал в Южную Финляндию, затем из др.-финских диалектов (из диалекта летописной еми?) проник в соседние карельские диалекты (ср. люд. *rauiń* 'сенокосное угодье среди леса').

Где и когда п.-фин. raun- проникло в русский язык?

- Термин был заимствован из карельских говоров севернорусским населением в виде *pávna* – обозначения низменных сенокосных мест. Заимствование сев.-рус. *pávna* должно было, вероятно, произойти на территории Архангельской обл. – в период новгородской колонизации бассейнов Северной Двины и Онеги и не ранее XIII в., когда низовья этих рек стали осваиваться и северными карелами и древними новгородцами. В самом деле, этого термина явно не существовало в говорах древненовгородского диалекта, он до сих пор отсутствует в лексике и топонимии Новгородской, Псковской, Ленинградской и Тверской обл. и фиксируется не западнее западных районов Вологодской обл. (Кадуйский, Череповецкий р-ны). Представляется, что и на запад Вологодчины сев.-рус. термин *pávna* распространился с севера и северо-востока – из бассейнов Онеги и Северной Двины.

Проникновение п.-фин. *raun*- в коми-зырянские диалекты

- В период освоения северными карелами Нижнего Подвинья (не ранее XII-XIII вв.) термин *raun* 'сенокосное угодье среди леса' проник в язык коми, ср. коми-зыр. *паун* 'лесной луг, открытое место в лесу, поросшее редким березняком' (ССКЗД, 227), диал. *паун* 'луг, поросший мелким кустарником' (КРС, 485): < приб.-фин. (КЭСЯ, 217).

Балтские следы изучаемых терминов в Новг.-Пск. землях

- На юго-западных окраинах исторических Новгородско-Псковских земель (конкретнее – на территории совр. Пеновского р-на Тверской обл.) все же найдены топонимические следы изучаемого балто-финско-русского термина. Но эти следы оставлены не финнами и не славянами, а балтами, будучи субстратными отражениями лит. *pjaipė̃, pjaipỹs* ‘поросшее мелким кустарником заливаемое болото, где весной и осенью стоит вода’.

Балтизмы Павиница и Пяуна

- Первый из балтизмов – название р. *Пайница*, л.пр. Орлинка, впадающей в Верхневолжское вдхр. возле р.ц. Пено Тверской обл. В исторической письменности эта речка именуется р. *Павиница* в вол. Дубна Торопецкой земли 1489 г. (Сб. РИО, 36, № 8), *Палница* 1770-х гг. (ГМ-Ост, № 627), *Павиница* 1853 г. (Мнд). Фонетическая адаптация видится следующей: основа **Rjaun-* + слав. *-ица*, откуда далее славянизированное **Пявница* (*Пялница*) > *Павиница* (*Палница*) > совр. *Пайница*.
- Второй из балтизмов – название д. *Пяуна* (*Пялна*) Вселуцкой вол. 1588-1589 гг. на южном берегу оз. Видбино (ПКРВ, 215), которое через р. Кудь тоже связано с Верхневолжским вдхр. В отличие от гидронима *Пайница*, ойконим *Пяуна* – это более поздний балтизм, скорее всего литуанизм XIV–XV вв., такой как лит. *Rjajņė*, не успевший адаптироваться на славянской языковой почве к эпохе его письменной регистрации в конце XVI в.

- Таким образом, прабалт. лексическая основа **ŗjāuþ-*, обозначавшая первоначально места сенокосения, за многотысячелетнюю историю своего существования распространилась на огромном пространстве от Южной Прибалтики (Калининградская обл.) до р. Печоры на северо-востоке, отразившись в лексике и топонимии балт. *ŗiaup-*, приб.-фин. *ŗaup-*, коми-зыр. *ŗaup-* и сев.-рус. *ŗавн-*.

- Разумеется, с этой ландшафтной лексикой не имеет ничего общего омонимичное эст. *raip* ‘рюкзак, котомка, сума’, заимствованное из лтш. *raipa* ‘сумка; пучок’ (SSA 2, 327).

Сев.-рус. орга

- Сев.-рус. *орга*, означающее 'густой дремучий, высокий еловый лес', 'непроходимый густой лес, чаща', 'топкое место, поросшее дурным лесом', 'овраг или топкое место, поросшее лесом', 'овраг, низина', 'лужа', 'покрытое плесенью озерцо' и т.п., имеет довольно выразительный ареал в районах Южной Карелии, запада Архангельской обл. и северо-запада Вологодской обл., судя по данным [СРНГ 23, 330-331, 349; СРГК 4, 234; Мызн. РДЭС, 558-559]. Этот заимствованный термин давно и надежно связывают с п.-фин. лексикой, а именно с кар. *orgo* 'болото, поросшее лесом', 'сырая долина, поросшая еловым лесом, низменность', *orko* 'влажная низина с растущим на ней ельником', 'ложбина, низина, овраг', 'заливной луг' и т.п., согласно (Погодин 1904, 47; Kalima 1919, 177; Фасм. ЭСРЯ III, 149; SSA 2, 271; Мамонтова, Муллонен 1991, 68-69; Мызн. РДЭС, 559).

Др.-новг. орогъ (< оръгъ)

- К перечисленным лексическим фактам необходимо добавить важный новгородский материал. Речь прежде всего идет о др.-новг. *орогъ* из берестяной грамоты № 805 последней трети XII в.: «...орють орогъ», т.е. 'пашут лощину, овраг' (Зализняк 2004, 389-400). А.А. Зализняк (там же) приравнивает *орогъ* к сев.-рус. *орга* 'болотистое топкое место', 'лощина, овраг', возводя *орогъ* к более раннему *оръгъ* со вставным редуцированным гласным, который устранил сочетание *рг*, нарушающее закон открытого слога.

- Др.-новг. *орогъ* является заимствованием п.-фин. *org* – термина, близкого к п.-фин. *orgo, orko*, но отличающегося от него отсутствием финального гласного: таковы вепс. *org* ‘овраг, низина’ (СВЯ, 382), люд. ‘овраг, узкая долина’, эст. *org* ‘долина, лощина’ (SSA 2, 271). Очевидно, мы имеем разные варианты заимствований – более ранний древненовгородский и более поздний севернорусский, восходящие к лексемам разных п.-фин. языков. Не вполне ясен этноязыковой источник др.-новг. *орогъ*, донесенного грамотой неясной локализации, термин мог проникнуть как с запада – из эстонского (эст. *org*), так и с востока – из вепско-карельского ареала. Надо полагать, столь раннее усвоение термина (XII в.) должно было произойти в центральных районах Новгородской земли (в пределах Ильмень-Волховского бассейна, включая Мсту, Шелонь, Ловать, Полу, а также и систему Мологи) еще до широкой колонизации Русского Севера и Северо-Востока, развернувшейся главным образом с XIII в. Напротив, заимствование сев.-рус. *орга*, не распространившегося западнее Вологодской обл., безусловно произошло позднее XII-XIII вв. на новоколонизованных новгородских территориях.

- На мой взгляд, древненовгородский вариант достаточно сохранился в виде твер. осташковск. *вóрог* 'овраг' (СРНГ 5, 108). Согласный в анлаута позволительно считать поздней протезой, но более вероятно его появление в результате контаминации *орог* с термином *враг* 'овраг'. Иная трактовка предложена в словаре Ан. РЭС (8, 245), где осташковский термин возведен к арх., волог. *вóрга* 'овраг, лог, ложбина', арх. 'заливаемое место на берегу реки, на острове', 'низкое топкое труднопроходимое место', 'топь на болоте' и др., см. (СГРС 2, 172-173), сходные значения дают (Даль 1, 242; СРНГ 5, 98). Однако сближению с сев.-рус. *вóрга* мешает значительное ареальное расхождение: термин *вóрга* имеет отчетливый севернорусский и отчасти сибирский ареал, не распространяясь западнее Вологодской обл. и Карелии (см. данные РДЭС, 142-143), и на его фоне осташковск. *вóрог* 'овраг' выглядит ареально изолированным фактом.

Новг. гидронимы Рогомля в бассейне Мсты

- Др.-новг. *орогъ*, по всей вероятности, оставило топонимические следы в регионе Новгородской земли. Один из них представлен названием *Рогомля / Рагомля* левого притока Холовы в нижнем течении Мсты, при речке стояла д. *В Рогумле* Холовского погоста 1495/96 г. [НПК II, 430]. Неподалеку, опять же в Среднем Помостье, обнаруживается ойконимная параллель – д. *Рогомля* Островского погоста 1495/96 г. [НПК II, 103, 104, 113], локализованная при впадении р. Лягушки в р. Олешню, правый приток Волмы. Название д. *Рогомля*, судя по структуре имени и расположению деревни, является первоначальным названием реки, надо полагать, современной р. Лягушка, подр. (Васильев 2017, 316). Пара гидронимов *Рогомля* – это старые дериваты с др.-вост.-слав. суффиксацией *-омля* от др.-новг. *орогъ* (< *оръгъ*). Таким образом, *Рогомля* < др.-новг. **Оръгомля*, которое после утраты редуцированных пережило метатезу гласного и плавного.

Волог. рогач

- Аналогичное изменение *орг-* > *рог-* данной лексической основы иллюстрирует волог. *ро́гач* 'низкое болотистое место, заросшее кустами и кривыми деревьями' Шексн. (СРГК 5, 539). Данный вологодский термин безусловно получен, благодаря метатезе, из формы **о́ргач*, образованной суффиксом *-ач* от сев.-рус. *о́рга* 'овраг или топкое место, поросшее лесом'. В диалектно-этимологическом словаре (Мызн. РДЭС, 678) оправданно отрицается связь волог. *ро́гач* с вепс. *rogo* 'камыш'.